

Сначала включился почему-то слух. Рядом с тем местом, где он начал хоть как-то себя ощущать, слышался какой-то бубнёж и тихий спор. Сквозь тихий, но очень занудливый звон Матвей понял, что кое-как способен разобрать отдельные слова. Но кто именно говорит и с кем спорит, было непонятно. От слова совсем. Потом, словно в ответ на его мысли, сквозь прикрытые веки начал пробиваться свет.

«Ага, значит, точно, ласты не склеил», — с грустной иронией подумал парень и попытался произнести хоть какой-то звук.

Но во рту, словно стая котов прогулялась, а язык больше напоминал подошву старого сапога. Убедившись, что просто так начать беседу не получится, Матвей судорожно сглотнул и, собравшись с силами, глухо застонал. Спор рядом с кроватью разом прекратился, и чьи-то руки тут же обхватили его лицо.

— Сыночка, родный, очнулся! Хочешь чего? — раздался срывающийся женский голос, по которому Матвей кое-как узнал свою нынешнюю мать.

Почему нынешнюю? Да потому, что родился парень не в этом времени. Как так получилось, он и сам толком не разобрался, но провожая в последний путь

единственную близкую душу, деда, он оказался под ударом молнии, после которого очнулся уже в казачьей станице, в семье своего прапрадеда. Оказался перенесённым он сам, или только его сознание, Матвей так и не разобрался. С одной стороны, это вроде был он, только на десять лет моложе. А с другой, нынешние его родители, не задумываясь, признавали в нём кровного сына.

В общем, по выражению самого же Матвея, без ящика спиртного и докторской степени по физике тут было не разобраться. На память о том переносе, на лице и груди парня остался длинный синеватый ветвистый шрам, за который местные острословы прозвали его палёным. Прозвище не самое приятное, но суть дела отражало достаточно точно. Плюнув на этих болтунов, Матвей с головой погрузился в местные дела.

Итогом этого погружения стал раскрытый секрет булата. Если быть до конца честным, секрет этот Матвей знал ещё со времён своего ученичества. Точнее, после обучения в институте стали и сплавов, который он успел закончить до своего переноса. Так что оставалось только воплотить знания в жизнь, что он с его теперешним отцом и проделали. Работа оказалась очень долгой и тяжёлой, но они её сделали.

Вжиться в местную жизнь ему помогла выучка, полученная от деда, и навыки, полученные в армии. Разведка морской пехоты Тихоокеанского флота, это совсем не шутки, так что, подправив кое-какие познания и восстановившись после изображения из себя трансформатора, парень сдал экзамен на реестрового казака, да ещё и пластуна. Так что теперь он мог смело сказать, что жизнь почти удалась. Он теперь даже жениться имел полное право.

Именно эта мысль и привела его в чувство окончательно. Нет, не то чтобы он готов был вскочить и бежать в церковь с первой попавшейся девчонкой, но почему-то мелькнувшая мысль о женщинах привела его в чувство лучше всего.

«Как там про мужиков у классика? Поесть, поспать да бабу повалить? Это точно про меня. Особенно сейчас», — хмыкнул про себя Матвей, усилием воли разлепляя веки.

— Сыночка, молви хоть словечко, — продолжала между тем тормошить его Настасья.

— Уймись, Настя, дай ему хоть малость в себя прийти, — пытался остановить жену Григорий, нависнув над лежанкой.

— Пить, — нашёл в себе силы хрипло просипеть парень.

— Ой, сейчас, сыночка, — взвилась Настасья и, едва не смахнув мужа с ног, унеслась.

— Совсем баба ополоумела, — проворчал кузнец, успев быстрым шагом уйти с её дороги в сторону. — Ты как, Матвейка? — повернулся он к сыну.

— Жив, — выдохнул парень, делая слабую попытку растянуть губы в резиновой улыбке.

Примчавшаяся Настасья присела на край лежанки и, подхватив его за шею неожиданно сильной рукой, приподняла голову, поднося к губам деревянный ковшик с водой. Первые глотки Матвей даже не выпил, впитал пересохшим ртом, как земля первые капли дождя после долгой засухи. Дальше он пытался хоть как-то продлить удовольствие, цедя воду длинными глотками. Осушив ковшик, парень хрипло отдышался и, дождавшись, когда мать уложит его обратно на подушку, тихо спросил:

— Что со мной?

— А ты не помнишь? — моментально подобрался кузнец, всё так же молча стоявший рядом с лежанкой.

— Помню, что в меня стреляли. Вот я и спрашиваю, что со мной, — прерывающимся голосом пояснил парень. — Куда попали?

— Справа, под лопатку пулю всадил, вражина, — кивнув, коротко ответил Григорий. — Да свезло тебе, Матвейка. Как бог свят, свезло. Ты ж перевязь свою с ножами так и не снял. Вот пуля в неё и угодила. А кожу ты взял такую, что не враз и разрежешь. В общем, пуля прежде в пряжку угодила, а уж после до тела дошла. Дед Святослав так и сказал. Не будь перевязи, уже б схоронили.

— Так это что, он меня лечил? — насторожился Матвей.

— Он, — решительно кивнул кузнец. — Он в наших местах первый лекарь. Только что мёртвых не поднимал.

— Теперь поп нам точно житья не даст, — скривился парень.

— Пусть только попробует вякнуть, пьянь долгогривая, — неожиданно вызверился мастер. — Я ему много чего припомню. Как за службу деньгу драть, так он первый, а как дело сладить, так только лаяться умеет.

«Ого, похоже, у папани с этим служителем культа свои тёрки имеются. Это надо запомнить», — мысленно усмехнулся Матвей и, слабо махнув рукой, проворчал:

— Пёс с ним. Лучше скажи, как глубоко пуля прошла. Ливер цел?

— Так не вошла она в тело-то, — усмехнулся кузнец. — О пряжку расплющилась, да в рёбра её и вдавила. Дыхалку тебе отшибла правда сильно, да рёбра

поломала. Да ещё помогло, что у паскудника этого пистоль жилетного размера был. Из такого далее чем на двадцать шагов и не стрельнёшь. А промеж вас чуток помене было, — продолжал пояснять мастер, от избытка чувств размахивая руками.

«Так, — кивая и мысленно инспектируя организм, думал Матвей, припоминая форму и размер своей перевязи для метательных ножей. — Пряжка от неё у меня под правой лопаткой как раз и находилась, но сантиметрах в пяти от позвоночника. Выходит, мне и вправду крепко повезло. Возьми он чуть левее, и всё. Привет горячий. В лучшем случае. В худшем, полный инвалид на всю оставшуюся жизнь. Блин, как бы проверить, что у меня вообще с организмом? Шевелиться откровенно страшно. После такого удара, да ещё и перевозок на местном транспорте, и вправду можно на четыре кости перебраться. Не хотелось бы на костылях остаток дней шкандыбать».

— Ты чего примолк-то, сынок? — тихо спросила Настасья, тронув его за плечо. — Болит чего? Может, ещё водички принести?

— Ага, давай, — поспешил согласиться Матвей. — Попью, да поплю, пожалуй, — вздохнул он, сообразив, что ни к какой работе пока не готов.

— Ага, ты это, отдыхай пока, сын, — кивнув, как-то поспешно робко согласился Григорий.

— Ты чего, бать? — не понял парень такой его реакции.

— Так это... Ну, как бы...

— Да чего ты мнёшься? Говори как есть, бать, — потребовал Матвей, внутренне холодея от возможных новостей.

После случившегося ожидать можно было чего угодно. Но всё оказалось куда прозаичнее. От-

кашлявшись, Григорий медленно отступил на середину хаты и, сняв кубанку, глубоко, в пояс поклонился, чуть подрагивающим голосом произнеся:

— Спаси Христос, сын. Что не посрамил чести казацкой и не убоялся мать собой закрыть. Ты ведь не просто мать свою спас. Ты и мне жизнь сохранил. Без неё и мне не жить.

— Господь с тобой, батя, — сглатывая подступивший к горлу ком, прохрипел Матвей разом пересохшей глоткой. — Это ж мамка моя. Как же я мог не защитить? Я ж тогда самого себя бы проклял.

— Господь с тобой, сынок! Что ж ты такое несёшь?! — вылетая из кухни, тут же затараторила Настасья. — А ты, отец, и вовсе ума лишился, — напустилась она на мужа. — До такого греха додумался. Где это видано, чтоб казак родовой себя сам жизни лишал?!

— Не было б греха, Настюша, — грустно улыбнулся кузнец. — От тоски бы сдох, на могилке твоей, как тот пёс. Сама знаешь, мы с тобой не просто венчаны. Нас с тобой судьба свела.

— Судьба, или пращур? — не удержавшись, тихо спросил Матвей, начиная о чём-то догадываться.

— Знает он. Ты пока ездил, Елизар его со Святославом свёл, — тихо поведала Настасья, присаживаясь на край лежанки и начиная поить сына. — Да и я ему кое-что рассказала.

— От, значит, как, — растерянно проворчал кузнец, ероша седеющий чуб. — Ну, может, так оно и лучше.

* * *

Вошедший в дом едва не строевым шагом поп небрежно перекрестился на образа и, одарив

Матвея долгим, настороженным взглядом, мрачно спросил:

— Ну, что скажешь?

— И тебе здоровья, батюшка, — усмехнулся парень уголками губ.

— Дерзишь?

— Здоровья желаю. Где ж тут дерзость? Или оно тебе лишнее? — нашёлся Матвей, даже не делая попытки приподняться.

При каждом движении, когда ему приходилось напрягать спину, боль по телу разливалась такая, что выть хотелось.

Да ещё и дыхание перехватывало. Похоже, лёгкое ему и вправду отбило капитально. Но это всё проходящее. Главное, что позвоночник цел, а значит, рано или поздно он сможет встать. Именно эта мысль поддерживала парня с момента его возвращения в сознание.

Угрюмо хмыкнув, поп присел на лавку и, оглядевшись, задал следующий вопрос:

— Правду ль гуторят, что ты Катьку порченую к блюду склоняешь?

— Это кто такую хрень несёт? — тут же разозлился Матвей. — Пусть этот пёс брехливый сюда придёт и лжу ту повторит, в глаза мне глядя.

— Язык придержи, — попытался осадить его поп, но парня уже понесло.

— Сам замолчь. Кто несёт такое? Отвечай! — рычал он, глядя в глаза попу злыми глазами.

— Ты это, полегче, — стушевался служитель культа. — Не с казаками на завалинке говоришь.

— А вот с казаками я после о другом поговорю. Вот придёт дядька Елисей, обскажу ему, как ты сплетни о честном человеке по станице разносишь, — пригрозил парень.

— Зачем? — окончательно растерялся поп, не ожидавший такого наезда.

— А он тогда дознание проведёт и узнает, кто тот пёс брехливый. А уж после я с ним сам разберусь. По-свойски. Чтобы другим неповадно было.

— Не узнает, — злорадно усмехнулся поп.

«Конечно, не узнает. Это ведь ты придумал», — фыркнул про себя Матвей, но догадку свою оставил пока при себе.

— Узнает, — помолчав, уверенно произнёс парень. — Дядьке Елисею никто врать не станет. Так что, придёт время, всё наружу вылезет. А там уж посмотрим, кому язык укоротить потребно.

— Зачем девке коня отдал? — насупившись, прямо спросил поп.

— Да затем, что у них мерин того и гляди околеет. Надел едва не на себе пашут, а там семеро по лавкам мал мала меньше. И что? Ждать, когда с голоду пухнуть начнут? Всегда так было, что в станице вдовам да раненым помогали.

— И всё? — растерялся поп.

— А чего ещё-то?

— А Катька?

— А что Катька? — озадачился Матвей.

— К ней у тебя чего?

— Ничего. Девка, слова не скажу, пригожая, но пакости я ей никакой не делал и ничего похабного не предлагал. Не тому меня отец с матерью учили, — ушёл Матвей в глухой отказ. — Ты чего пришёл-то, батюшка? — сменил он тему.

— Да вот потому и пришёл, — со скрежетом почёсывая подбородок, проворчал поп. — Слух про вас прошёл, я и решил узнать, чего тут и как.

— А никак, сам видишь. Из меня теперь любовник, как из той колоды. Эх, не вовремя всё слу-

чилось, — вздохнул Матвей, осторожно шевеля плечами.

— А чего тебе время? — тут насторожился поп.

— А того, что за зиму можно многое к следующей ярмарке приготовить.

— Так Григорий вроде и сам управляется, — поп небрежно отмахнулся, продолжая зыркать взглядом по углам, словно чего-то выискивая.

— Тяжко ему уже одному в кузне работать. Да и вещи есть, которые одному не сладить. Вторые руки потребны, — наставительно пояснил Матвей.

— Это ты про булат? — быстро уточнил поп, заметно оживившись.

— И про него тоже, — коротко кивнул парень.

— А в чём там секрет? — нейтральным тоном поинтересовался поп, делая вид, что ищет что-то по карманам.

— Там много всего. Так просто не расскажешь. Это только другой мастер понять сразу сможет.

— Это почему ещё?

— Да потому, что только другой кузнец поймёт, до какой степени металл калить надо и как долго с ним после работать можно. А простой ратай таких вещей и знать не знает, — в голосе парня прозвучало неприкрытое ехидство.

— Выходит, вы ночами железом гремите, потому что секреты свои прячете? — вдруг разозлился поп.

— Нет. Потому что, начав ковать булат, останавливаться нельзя, — ещё ехиднее ответил Матвей. — Пока клинок недоделан, его остужать нельзя.

Эту часть секрета стали он раскрыть не боялся. Всё равно вся станица знала, что клинки они ковали сутками, не останавливаясь. Скрыть это было просто невозможно. Ведь грохот молотов из кузни раз-

носился по ночной степи, даже несмотря на закрытые двери.

— А вот скажи-ка мне, вьюнош, секрет этот ты нашёл или отец твой? — вдруг спросил поп, вонзив в парня жёсткий, мрачный взгляд.

— Батя его полжизни искал, — пожал парень плечами, дерзко усмехнувшись. — Так что пугать меня, чтобы секрет тот добыть, даже не пытайся. Не тот ты человек, чтобы я испугался.

— Опять дерзишь? — зашипел поп рассерженной гадюкой. — Доиграешься, прокляну. Анафеме придам.

— Попробуй. Я тебя тогда на твоей же колокольне повешу. Удавлю, как того щенка. Забыл, кто меня учил да натаскивал? Приду ночью, и вся твоя семейка кровью умоется, — зашипел в ответ Матвей, вперив в противника не менее злой взгляд. — И никто никогда не поймёт, кто это сделал. Следы от степных коней оставлю, все скажут, что ногайцы всех порешили.

— Да ты совсем бешеный, — вздрогнув от взгляда его сверкнувших глаз, поёжился поп.

Их содержательную беседу прервал стремительно вошедший кузнец. Едва увидев попа, Григорий мрачно хмыкнул и, не здороваясь, с ходу спросил:

— Ты чего тут?

— Да вот, проведать болезного пришёл, — пробормотал тот, отводя взгляд.

— Не лги, не бери греха на душу, — фыркнул Григорий. — Тебе до болезней наших и дела нет. Сколь раз было, тебе молебен за здоровье заказывают, а ты всё своё гнёшь. Креста на тебе нет, долгогривый.

— Ты это, не очень, — ещё сильнее стусевавшись, забубнил поп, поднимаясь.

— Ступай отсель, — зло выдохнул кузнец. — Нужен будешь, кликнем. А пока и дорогу в мой дом забудь.

— Да я всю вашу семейку от церкви отлучу, — не выдержав, взревел поп.

— В соседнюю станицу съездим, — равнодушно отозвался Матвей. — В церковь ходят не попу кланяться, а иконам святым и кресту православному. А поп так, довесок к молитве искренней.

— Ты чего несёшь? — развернулся к нему поп всем телом.

— Правду. Первохристиане в пещерах да пустыне молились. И ничего. Слышал их Господь. И без попов всяких обходились, потому как от души молитву возносили, — не остался парень в долгу.

— Да вы тут еретики все, как я погляжу, — обретя дар речи, прохрипел возмущённый до предела поп и, подхватив свой посох, выскочил из дома.

— Ты чего на него взъелся? — спросил Григорий, проводив его взглядом.

— А ты чего? — изобразил из себя раввина Матвей.

— Ну, у нас-то, тех, кто постарше, к этому дураку вопросов много имеется. А вот ты с чего вдруг его задирать начал? — пространно пояснил кузнец, возпросительно глядя на парня.

— А надоел. Всё ходит, слухи глупые распускает да во все углы заглядывает, словно прячут тут от него крамолу какую, — фыркнул парень, устало вздыхая.

— Опять, значит, за старое взялся, — мрачно протянул Григорий, понимающе кивнув. — Он ведь в тот раз не просто так сюда бегал. Помнит, пёс, что молонья это Перунов жезл. Потому и высматривал на тебе знаки его.

— А чего их высматривать? Вон, на морде всё, — хмыкнул Матвей, пожимая плечами.

— Ну да хрен с ним, — неожиданно сменил Григорий тему. — Ты сам-то как?